

Разобравшись с деревенскими делами, Лин Цинъюй отправилась к Чэн Цзя и Ван Сюаньчжи, когда освободилась. После слов Янь Саня ее сердце успокоилось, и если она не запуталась, ее естественное лицо вернулось к своему первоначальному цвету и воздуху.

"Погода сегодня довольно хорошая, почему бы вам двоим не поработать вместе, чтобы сделать каллиграфию и живопись?" Лин Цинъюй, наконец, не смог удержаться от шепота, наблюдая за тем, как двое за столом играют в шахматы один за другим.

Ван Сюаньчжи взглянул на нее и продолжил играть в шахматы.

Будь скуп! Линь Цинъюй повернул голову к Чэн Цзя и сказал: "Мастер Чэн, я только что получил хороший коралл, почему бы нам не пойти оценить его вместе?".

Чэн Цзя весело посмотрел на нее и сказал: "Ваш дом, полный сокровищ, все еще думает, что нам трудно найти десять тысяч долларов?".

Кто это сказал? Линь Цинъюй внезапно изменил свое благоговейное выражение лица и сказал: "Какие у нас отношения, можно ли их измерить деньгами?"

"Какая у нас дружба?" Ван Сюаньчжи легкомысленно спросил.

"Это... по крайней мере, следует считать другом, который сражался в одном окопе". Линь Цинъюй посмотрел на небо.

"О, друзья привыкли блокировать нож". Ван Сюаньчжи по-прежнему говорил легкомысленно.

Линь Цинъюй внезапно повернул голову и спросил у книжного футляра: "Кто научил вашего сына этим грязным вещам?"

Книжный футляр указал на фигуру Су Се, который медленно ускользал наружу.

"Ну, поболтайте непринужденно, куда уж конкретнее". Лин Цинъюй могла только хахакать. В этом можно винить только ее, действительно неловко говорить то, что она сказала, не прикрываясь.

"Тогда когда ты серьезен?" спросил Ван Сюань, глядя на нее сверху.

"Это, я помню, мне еще нужно кое-что оставить. Ты играй медленно". Линь Цинъюй быстро встала и ушла.

"Сюаньчжи, почему мы должны опускаться на самое дно ради вещей, которые не имеют результатов?" Чэн Цзя вздохнул и сказал.

Ван Сюаньчжи потерял шахматную фигуру и сказал: "Иди погуляй".

"Одиннадцать, ты не можешь быть таким скупым, когда вырастешь.

"Лежа на кресле-качалке и читая книгу, Линь Цинъюй сказал Е Шии, которая была занята приготовлением пищи.

"Что?" спросил Е Одиннадцатый, положив овощи на каменный стол.

"Ну, мужчина, разве не нормально иметь трех жен и четырех наложниц? Смотри, я не чувствовала себя в невыгодном положении, и мужчины не будут больше страдать? Верно?"

Такой пустяк, а ведь это правда!" Линь Цинъюй перевернул страницу. Пробормотал. Если бы не пилюля змеи ***, разве я совершил это? У нашего Цзя Яньсяня фигура и навыки лучше, чем у тебя, а!

"Сестра", - крикнула Е Ши.

"А?" Лин Цинъюй поднял голову и, проследив за пальцами Е Ши, увидел двух людей, стоящих у ворот двора.

Ван Сюаньчжи взял в руку рулон бумаги, его лицо было настолько мрачным, что могло рассыпаться в прах.

Линь Цинъюй вскочил и бросился обратно в комнату.

На лице Ван Сюаньчжи медленно появилась кривая улыбка, а упорство в его сердце превратилось в печаль.

Увидев, что двое устроились рисовать во дворе, Линь Цинъюй взял из стоявшей на столе коробки с жемчугом мешочек из ткани, затем вышел за дверь и тихо пошел за ними.

Стиль живописи Ван Сюаньчжи не такой элегантный, как у Чэн Цзя, но более нежный. На дереве цветет персик, а красавица под цветами смотрит вверх и, кажется, вдыхает аромат цветов. Волны улыбки в уголках его рта казались живыми.

Линь Цинъюй был действительно ошеломлен. Он не ожидал, что навыки рисования Ван Сюаньчжи окажутся настолько превосходными.

"Ты все еще можешь достать свои глаза?" Ван Сюаньчжи отложил ручку и спросил.

Его тон еще никогда не был таким спокойным. Линь Цинъюй удивленно посмотрела на него и увидела, что на его лице не было и следа раздражения. Это был тот самый несравненный юноша, который постучал в дверь при первой встрече.

"Пришли." Линь Цинъюй протянул ему жемчужину из тканевого мешочка и сказал.

"Хаха, что это?" Ван Сюаньчжи бесцеремонно взял ее и улыбнулся.

"Жемчуг этого года, вернись, чтобы сделать украшения, или измельчи его в порошок в качестве косметического средства". Лин Цинъюй поднял картину и, хлопнув по уголку рта, сказал: "Это несравненная красота. Когда я состарюсь, я должен повесить ее в спальне".

"Зачем ждать старости?" с улыбкой спросил Чэн Цзя.

"Когда я состарюсь, я смогу сказать своему внуку: "Посмотри, какая красивая бабушка была раньше". сказал Лин Цинъюй, ковыряясь в уголках глаз.

"Сестра, разве ты не говорила, что врать нехорошо?" Е Ши принесла еду и сказала.

"Врать нехорошо, но в то время все мои сестры были старухами, поэтому неважно, хорошие ли они мальчики". Сказав это, он отнес картину прямо в комнату.

В последующие дни Лин Цинъюй с утра занимался делами в главном зале, а после обеда выводил двух людей на прогулку или слушал, как они играют на пианино, и смотрел, как они

рисуют.

Через полмесяца Янь Сань вернул измученных людей.

На следующий день корабль Рама вернулся из Да Чжоу.

"Цена хорошая. Я слышал, что в Дачжоу благовоний нет в наличии, а цена за запас очень дорогая. Как правило, чиновники и евнухи не могут себе этого позволить, поэтому, как только мы прибыли, запас был разграблен." Му улыбнулся.

"Отдать вам все деньги?" Линь Цинъюй спросил странно, неужели так много наличных?

"Золото, серебро и медь есть, и есть товары, которые можно обменять. Хозяин, ты знаешь, сколько товаров мы привезли в этот раз?" Рам протянул ей счет.

Один миллион шелковых тканей, включая Цинлуо Хунлуо, Шуцзинь Дунжуаньси Лин, два миллиона фарфоровых изделий, включая фарфор Цзюнь, который раньше невозможно было купить, и один миллион катти чая, включая Сяолун Туан. Вот и все, всего десятки миллионов долларов!

"Я оставил в Цюаньчжоу 300 000 цзиней чая. Вот те элитные чаи, которые называются Сяолун Туань. Они очень ценные.

Я привез весь шелк, триста пятьдесят тысяч таэлей золота и три миллиона таэлей серебра. 500 000 медных монет также находятся в Цюаньчжоу". Рам сказал.

"Каким купцам ты продаешь?" - спросил Линь Цинъюй. спросил Линь Цинъюй.

"Много домов, когда мы поехали, господин Фань случайно оказался в Цюаньчжоу, поэтому он связался с более чем десятью крупными торговыми фирмами, а затем взял десятую часть налога и 30% от покупки, все это обменяли натурой. Господин Дин сказал, что это был мастер Фань, который использовал вещи на складе агента по пересылке на Фуцзяньской дороге, так что чайных листьев стало больше."

Неудивительно, что его можно продать по такой цене, в сердцах кивнул Линь Цинъюй, ему еще предстоит поблагодарить Фань Е за предоставленную возможность, когда он вернется.

"Это письмо." Рам достал стопку писем и сказал: "Кстати, мастер Фань спросил о Фэншэне, я проследил за тем, что вы сказали, а мастер Фань в это время изменился в лице и спросил Видел ли я посланника Великого Чжоу? Я ответил, что не видел, но недавно приплыли еще несколько кораблей. Я не знаю, видел ли их кто-нибудь еще.

"Ну, тогда мы можем вернуться позже". сказал Лин Цинъюй.

"Тогда мы уйдем позже". сказал Рам.

Хэйшуйгуань Дайин.

Ян Чжао и Хэ Ли рассматривали только что доставленные донесения. Посыльный поспешно вошел и сказал: "Генерал, письмо".

Янь Чжао на мгновение опешил, но потом увидел слова на конверте, быстро взял его и

спросил: "Она вернулась?".

"Нет, это корабль, идущий из Цюаньчжоу. Говорят, что это корабль из-за границы, а не из семьи Линг". После того как гонец закончил говорить, он первым отступил.

"На этот раз семья Ван боится, что это будет глупая потеря". Прочитав письмо, Ян Чжао улыбнулся.

"Что?" колюче спросил Хэ Цили.

"Цинъюй хочет, чтобы Рам привел флот, чтобы торговать в качестве купца в стране Чжулуо. Разве Сяо Суй не продал последнюю партию товаров семье Ван и семье Чжао?"

По оценкам, цена очень темная, и эти магазины продают по высоким ценам. Это просто смешно. Теперь, когда четыре морских корабля с полной загрузкой возвращаются, цена на ладан скоро упадет, и их товары будут давить." Ян Чжао улыбнулся. Увидев спину, его лицо снова опустилось.

"Что-то случилось?" спросил Хэ Ли, пристально глядя на него.

"Ну, когда мы отправились в путь, сначала императорская армия и семья Ван в посольстве на корабле попали в беду, а затем на них напал корабль семьи Се. Янь Сань был серьезно ранен, а Цин Юй сказал... я вернусь позже." , Тао.

Лагерь Чжаоцзяцзюнь в Бачжоу.

Чжао Иньфэн громко рассмеялся и сказал: "Сколько потеряла семья Ван?".

"Боюсь, что очень много. Сначала они собирались продать его по высокой цене. Боюсь, что десятая часть товара не была продана. Однако, генерал, у нас тоже есть член семьи Чжао". Чжао Мэн сказал.

"Когда вы это сказали, я вспомнил, они обещали, что в этом году нам ничего не дали?" Чжао Иньфэн подставил подбородок и посмотрел на Чжао Мэна.

Чжао Мэн вытер пот и сказал: "Генерал, не ставьте меня в неловкое положение. В это время найдите старшего сына, чтобы попросить у него оружие. Я боюсь, что младшего убьют".

"Старший брат умен и смущен на время, даже если он застрянет в семье Линг? Разве снаружи не идет корабль?" Чжао Иньфэн сказал с сарказмом, а затем спросил: "Что происходит с Фэншэном?" "

"Говорят, что мастер Фань сделал мемориал, и от людей Фаня поступили новости, что на Фэншэнь напали, и потери будут немаленькими, но сейчас нет никаких новостей. Чжэнштан приказал верфи Цюаньчжоу немедленно строить корабли." Чжао Мэн ответил.

"Это нормально, просить Цюаньчжоу построить корабль, когда ты только выходишь в море." Чжао Иньфэн усмехнулся: "Один жаждет благовоний, а другой - идеи для чужого корабля".

Потная голова Чжао Мэна не осмелилась последовать за ним: "Мой третий господин, теперь вы становитесь все более и более беспрепятственным.

В этом году в Бяньцзине Великого Чжоу было несколько счастливых и печальных лет, но в Линцзяцуне был самый счастливый год.

Собрались корабли всех маршрутов, команда, моряки, жители деревни Линцзя и местные коренные жители.

Новогодний ужин по случаю воссоединения был более зрелищным, чем тот, на который прибыли Чэн Цзя и остальные.

Просто в этот раз рядом с ним так много улыбался Янь Сань, и никто не осмелился предложить Линь Цинъю выпить. Выпив все сам, он смотрел, как Линь Цинъю делает глоток не вина, а воды.

Солдат не удержался и крикнул своему товарищу, стоявшему рядом: - Почему мы должны выпить все, а хозяин только глоток?

Спутник холодно ответил Иди, поговори с Сан Е.

Солдат потерял дар речи.

В середине банкета на деревенской площади был расчищен круг. Аборигены исполняли танцы, некоторые запускали фейерверки, некоторые били в барабаны, и барабанщики танцевали по кругу.

Среди рева смельчак запел песню о лодке, застенчивая девушка подхватила народную песню, Сум тоже запел, подбадриваемый Лин Цинъюем, пение словно устремилось в небо, вся деревня кипела. встали.

Чэн Цзя и Ван Сюаньчжи встретили группу во главе с Чжаном, которые полностью ассимилировались, последовали за лодкой Фан Няньюаня и сражались с туземцами в Папуа. Теперь они полностью стали полубандитами.

Эти мелкие чиновники также нашли время поговорить с Чэн Цзя и Ван Сюаньчжи. Они хотели остаться здесь. Все эти люди специализируются на изучении Фаньвэй в храме Хунъю. Теперь, когда у них есть такие хорошие условия, они хотят остаться и серьезно изучать следующие иностранные дела.

Чэн Цзя и Ван Сюаньчжи уже сняли свои белые одежды и бродили по полям в короткой одежде. В это время они присоединились к радостной армии без каких-либо психологических препятствий.

Во время волнения кто-то вдруг крикнул: "Господин, когда вы женились на третьем господине!".

В середине двора вдруг стало тихо, а ревущий человек внезапно протрезвел.

Линь Цинъю поднял голову, посмотрел на Янь Саня, встал и улыбнулся: "Лучше не выбирать день, а попасть под солнце. Мы поженились сегодня, хорошо?"

"Хорошо!" На этот раз раздались громкие аплодисменты.

Новогодний ужин превратился в свадебное вино, а по всему небу расцвели фейерверки. Хуан Цзин и Чжоу Тан поспешно повели людей на гору, чтобы спустить вниз новые фейерверки.

Лин Цинъюй и Янь Сань были оттеснены в комнату, чтобы переодеться в новую одежду. Увидев ярко-красное платье, Янь Сань сразу все понял. Лин Цинъюй, должно быть, тайно подготовился заранее, даже если голос большого человека тоже был подготовлен заранее. Также здесь больше фейерверков и алкоголя, чем обычно.

"Цинъюй..." Янь Сань почувствовал удушье в горле, и его вытолкнули, когда он собирался что-то сказать.

"Сначала мы должны поприветствовать тебя! Затем приходите в церковь! Не волнуйся, еще будет время рассказать тебе". Толпа засмеялась.

Приветственное кресло-седан обошло деревню и было направлено в главный зал. Высокого зала не было. Чжу Вэйли села на главное сиденье и приняла церемонию.

Как во сне, Янь Саня почти оттолкнули, но когда его наконец отправили в комнату невесты, все закричали: "Сейчас я сниму хиджаб!".

В это время Янь Сань взорвался, схватил жену и первым побежал на задний двор. Когда перед вами открылась эта картина, она прекрасна!

Главный дом был великолепно украшен: шатры из красной парчи, окна из люксии, занавес из бусин, сделанных из жемчуга размером с большой палец, полный набор мебели из красного сандалового дерева, ослепительное множество редких сокровищ на антикварных полках, а на центральной стене. На центральной стене висит картина Чэн Цзя.

Хотя легкость Янь Саня очень высока, но группа людей не может вынести ожидания в новом доме, спешит и не может уехать, поэтому им приходится взять стоящий перед ними увесистый шест и подхватить ярко-красный хиджаб.

Руки Янь Саня слегка дрожали, и он в третий раз успешно сорвал хиджаб, вызвав взрывы смеха.

Янь Сань больше не слышал голосов, только нежное лицо с румяными щеками медленно поднималось в его глазах.

Ее глаза, казалось, были покрыты слоем воды и сияли, как самые ослепительные драгоценные камни, пальцы Янь Саня непроизвольно коснулись пунцовых щек, а затем оставили след на улыбающихся губах.

"Ну, не уставай теперь показывать его нам, выходи скорее, все снаружи ждут!" Человек рядом с ним рассмеялся.

"Да что там, тебе все равно придется нас съесть, а нам это не удастся". Лин Цинъюй встал, взял Янь Саня за руку и улыбнулся.

"Невеста тоже выходит!"

"То есть, мы должны быть женаты на главе дома!"